

Во время смены времен года простудные заболевания были обычным делом.

Для Ирэн переходный период всегда был временем, когда можно хотя бы раз заболеть. Всякий раз, когда температура внезапно падала, заставляя всех одеваться больше, чем накануне, в замке Данст объявлялось чрезвычайное положение.

Независимо от того, насколько теплой была комната, Ирэн все равно простужалась со сверхъестественной точностью, как будто чувствовала температуру снаружи.

В этом году Ирэн начала зиму, не заболев. Хотя постоянно улучшающаяся изоляция замка Данст сыграла свою роль, в основном это было связано с улучшенным здоровьем Ирэн по сравнению с прошлым.

Настроение Ирэн было лучше, чем когда-либо, она благополучно начала зиму в добром здравии. С тех пор, как Ирэн проявила такую беспрецедентную щедрость на похоронах Джил, прошло много времени с тех пор, как кто-то видел его таким великодушным. Благодаря этому Кирилл также смог встретить зиму с безмерной радостью.

Ирэн вела себя так, как будто он был непобедим только потому, что не простудился. Но поскольку он был еще слаб, Кириллу приходилось постоянно следовать за ним повсюду и заботиться о его нуждах. Несмотря на это, Сирил всегда улыбался рядом с Ирэн.

«Я хочу увидеть снег».

Ирэн стояла у окна. За стеклом, тщательно вычищенным слугами, сад казался блеклым по сравнению с тем, что было несколько дней назад.

Бледная внешность Ирэн визуально хорошо сочеталась с зимним пейзажем. Любуясь своей возлюбленной, которая сочеталась с бело-золотой комнатой и сероватым фоном, он с опозданием понял, что Ирэн говорит с ним.

«Просто подождите месяц, и он придет».

— Не это, я имею в виду снег, скопившийся на земле.

Завернувшись в толстое одеяло и держа жаровню у его ног, Ирэн задумчиво смотрела в пустынное окно.

В теплом южном регионе Флоденс редко можно увидеть скопившийся снег. Когда цветы, украшавшие другие времена года разноцветными красками, увядали и листья опадали, только не такой резкий ветер проходил сквозь пустые ветви. Даже зимой дней с тоскливым дождем было больше, чем со снегом, поэтому вид падающего снега и земли, выкрашенной в белый цвет, казался другим миром, который можно увидеть только в книжках с картинками.

В результате нашлось немало южан, которые лелеяли фантазии о снеге. Они и не подозревали, что даже слегка сухая и бесстрастная Ирэн была одной из них. И деревья начинают умирать

Для Кирилла, который часто сталкивался со снегом во время охоты, это было трудное желание сопереживать. Не потому ли, что он никогда не испытывал холода заснеженного северного региона?

Белый снег, тяжело падающий с неба, был прекрасен только на вид; В тот момент, когда он упал на землю и навалился в кучу, все стало утомительным, как начало разрушения.

— Ну что, поедem в путешествие?

Однако Кирилл, как любовник, старающийся прислушиваться к словам брата, несмотря ни на что, кивнул головой, не возражая. Это было подтверждение, которое было почти привычным.

Ирэн, которая обычно была погружена в свои мысли, заговорила, а это означало, что он уже решил пойти посмотреть на снег.

Сирил быстро обдумал различные места для путешествий, которые он мог бы посетить, думая об Ирэн.

Несмотря на то, что они жили в южном регионе, семья Данст владела десятками вилл, разбросанных по всему королевству.

Исключая коварные тропы, по которым экипажи не могли проехать, и места, где им не пришлось бы ехать слишком далеко, чтобы почувствовать себя в путешествии, Кирилл тщательно искал в своей памяти.

«В Тилбруке есть вилла, и заснеженные горы там довольно красивые».

"..."

«Кроме того, недалеко от Лемуила есть хороший лес...»

Пока он говорил, Кирилл понял, что большинство мест, о которых он упоминал, находятся рядом с охотничьими угодьями. Хотя он никогда не бывал с Ирэн в тех далеких местах, было очевидно, что это горы и леса.

Ирэн никогда не любила охоту.

Причин не наслаждаться им было предостаточно. Это было не потому, что считалось

варварством отнимать жизнь, как у старой привычки, или потому, что вид крови был пугающим.

И все же причина, по которой он иногда отправлялся в охотничьи угодья, заключалась в том, чтобы быть со своим единственным младшим братом и молодой любовницей.

Кириллу это нравилось не так сильно, как раньше, но охота по-прежнему была общественным занятием для джентльменов, поэтому ее было трудно полностью избежать. Не было необходимости выбирать место рядом с охотничьими угодьями, которые они уже посещали до скуки, в качестве места для путешествия только для них двоих.

Айрин поймала обеспокоенный взгляд Сирила и ухмыльнулась.

«Неважно, что это рядом с охотничьими угодьями. Пока ты не охотишься, все в порядке».

— Нет, я попрошу дворецкого поискать другое место.

«На самом деле это не имеет значения. У нас, вероятно, не будет каких-то отдельных планов, если мы все равно поедem в заснеженный северный регион, так что не нужно быть придиричвыми».

Ирэн не давала пустых обещаний, особенно когда речь шла о Сириле. Он всегда высказывал свое мнение, даже когда его волновало мнение других, и теперь он не стал исключением. Тем не менее, Кирилл, все еще обеспокоенный, решил выбрать место для путешествия, которое не находилось рядом с охотничьими угодьями.

В конце концов, пунктом назначения, который они выбрали для своей поездки, что сделало их поиски другого места бессмысленными, была вилла в районе Тилбрук.

Вилла, расположенная у подножия горы недалеко от близлежащей деревни, не была особенно большой, но ухоженной. Низкий потолок и маленькие окна, наряду с архитектурным приемом, сохранившим естественную текстуру дерева, были довольно очаровательными. Кое-где для утепления висели толстые гобелены, а все внутреннее убранство было сосредоточено вокруг печи.

Атмосфера была чем-то похожа на старую комнату Ирэн, но в ней была гораздо более деревенская атмосфера.

— Неплохо.

— Верно?

Для Ирэн это была высокая похвала. Ирэн обычно настаивала на роскошных и изысканных номерах, путешествуя по региону Флоденс, поэтому они втайне беспокоились. К счастью, Ирэн выглядела вполне удовлетворенной, возможно, очарованная расслабленными и теплыми чувствами, явно отличавшимися от южных по мере того, как они путешествовали дальше на север.

Осмотрев виллу, Ирэн легла на кровать. Сирил сел рядом с Ирэн и помассировал свои окоченевшие ноги.

Несмотря на то, что выносливость Айрин улучшилась по сравнению с прошлым годом, дальнейшие путешествия все еще сказывались на его организме. По дороге он заболел, и ему пришлось отдохнуть почти неделю. К счастью, продолжительный отдых в середине их путешествия позволил ему прибыть полным жизненных сил.

Скорее, это был Кирилл, который, казалось, потерял свою энергию. В течение нескольких дней, когда Ирэн была прикована к постели, у него возникло несколько проблем, из-за которых у него не было времени на отдых. Ему хотелось лечь, его тело чувствовало себя неловко слабым, но он не хотел показывать свою уязвимость перед Айрин. Ему нужно было казаться более привлекательным, чем когда-либо.

Кирилл жадно обсуждал информацию, которую он собрал заранее.

«Если мы поедem в деревню, то увидим тонкие изделия ручной работы. Они здесь довольно известны. Есть даже мастерские, обслуживающие знатных и богатых людей. Они, наверное, приехали бы сюда, если бы мы их позвали, но... Мастерские также красиво оформлены, так что было бы неплохо взглянуть, пока мы там. Они снабжают даже королевскую семью, так что это стоит увидеть».

— Что еще?

«Куда бы вы ни пошли, все в порядке. Немного холодновато, но... С горы стекает река, но сейчас она полностью замерзла. Густой лес тоже довольно красивый. Вы видите овец на пастбище на полпути к вершине горы...»

— Овцы, говоришь?

— Э-э, да.

Кирилл, не ожидавший такой реакции на овец, ответил нервно.

— Хочешь посмотреть на овец?

— М-м-м. Я никогда раньше не видел такого».

— Никогда не видел?

Овцы были довольно распространенными животными. Однако, поразмыслив, я понял, что у Ирэн вряд ли был бы шанс увидеть его.

От севера до центральных регионов овец обычно выращивали в качестве домашнего скота, а также их можно было увидеть в дикой природе. Однако на знойном юге редко можно было найти место, где разводят овец. Учитывая, что Айрин редко выходила на улицу, шансы увидеть ее были еще меньше.

— Я не знала, что ты любишь животных.

Также в особняке было несколько породистых охотничьих собак. Когда маленького щенка осторожно передали Айрин, опасаясь, что он может привязаться, Ирене, похоже, это не понравилось. С нервным выражением лица Ирэн быстро вернула его Сирилу, сказав что-то вроде: «Если я уроню его, он упадет и умрет».

«Симпатии и любопытство — это разные вещи».

Впрочем, Ирэн тоже не проявляла особого любопытства. После похорон родителей он ненадолго появился на светской сцене, но быстро устал от этого и решил жить в особняке.

Сирил был готов на все ради своей любимой возлюбленной Ирэн, но не решался дать простой ответ, потому что было много препятствий для того, чтобы отвезти Ирэн на овечью ферму.

— Нам нужно подниматься на гору?

— Нам нужно идти пешком?

Вилла располагалась на самой высокой точке, куда можно было добраться на карете. Выше тянулась узкая тропинка, по которой невозможно было передвигаться на повозке.

«Мы могли бы ехать на лошадях... Или мне просто привести сюда овец?

— Ты привел меня сюда только для того, чтобы запереть на вилле?

Айрин игриво прищурилась. Честно говоря, он немного устал... но он не мог заставить себя признать слабость перед Ирэн, которая была в полном порядке, несмотря на то, что ехала в карете почти шесть часов.

— Хорошо. Я возьму тебя с собой.

Айрин ярко улыбнулась, получив удовлетворительный ответ, и Сирил не мог не улыбнуться в ответ.

К счастью, горы здесь были не слишком крутыми. Поскольку это место находилось в конце длинного горного хребта, далеко простирались пологие хребты. Следуя по относительно ровной тропе верхом на лошади, можно было добраться до овечьей фермы всего за полдня.

Хотя Ирэн научилась ездить верхом, ему все еще было трудно, поэтому Сирил понес его на спине лошади, когда они отправились в путь.

— Тебе неудобно?

— Нет, но ты можешь упасть, так что держи меня крепче.

«Думаю, все будет хорошо...»

— Никогда не знаешь.

Тонкие руки Ирэн крепко обхватили талию Сирила, и соприкосновение между их спинами и плечами развеяло его скрытые заботы и сдуло усталость, удовлетворив Сирила в одно мгновение. С любовью он попросил Ирэн крепко обнять его, и тепло их тел прилипло друг к другу, заставляя его чувствовать тепло. К счастью, никто не мог видеть пояс его штанов, потому что он был впереди. Наслаждаясь теплом тела Ирэн в полной мере, они добрались до овечьей фермы только после того, как превысили расчетное время прибытия.

Несмотря на капризную просьбу дворянина, который хотел отдельно увидеть послушных овец, пастух, получивший в качестве оплаты серебряные монеты, с неизменно улыбающимся лицом проводил их к загону, подготовленному в одном конце фермы.

Несколько молодых ягнят были заперты в маленьком загоне вместе со своей матерью.

— Они прелестны.

Кирилл, любитель животных, был быстро захвачен видом ягнят. Их неуклюжее резвящееся существо делало маленьких белых существ невероятно милыми.

Но вместо того, чтобы ответить, Ирэн пристально посмотрела на овец. С серьезным выражением лица он вошел в загон и поймал взгляд пастуха. Затем, с очень осторожным поведением, он подошел к ягненку и протянул руку, чтобы нежно погладить его.

Ягненок и Ирэн.

Ангельски красивая Ирэн и белоснежный молодой ягненок. Мягкий золотой солнечный свет, падающий на них, создавал почти священную атмосферу, как будто он нес в себе святость святого. На мгновение Кирилл затаил дыхание. Услышь треск молнии

Несмотря на то, что она знала его всю жизнь и была его любовницей уже несколько лет, присутствие Ирэн все равно имело пленительный эффект. Кирилл попытался подавить озорную улыбку, которая дернула уголки его рта.

«Больше, чем я думал...»

— Больше, чем ты думал?

«Он совсем не мягкий. И не очень белый...»

Было что-то милое в этом звуке, что ускользнуло от него, когда он погладил его с серьезным выражением лица. Сирил, не сумев сохранить pokerное лицо, поднял руку, чтобы прикрыть улыбку, которая грозила вырваться наружу.

Взгляд Ирэн был прикован к матери-овечке. Конечно, шерсть, которую он видел до сих пор, была белой, но овцы, бегающие здесь, не могли не быть грязными.

Глядя на торжественное выражение лица Ирэн, он казался ребенком, который только что обнаружил, что фей из сказок не существует в реальности. Кирилл с трудом сдержал смех.

— Ну, в конце концов, это скот.

— Не смейся.

— А овец тоже разводить?

Вдвоем, наверное, было бы мило. Несмотря на то, что сейчас они были грязными, если бы о них позаботились в замке, они были бы белыми и приятно пахли. Конечно, южный климат летом был не совсем идеальным для овец.

«Я не люблю животных».

Решительно отказавшись, Ирэн отдернула его руку от овцы и встала.

— Может быть, нам сегодня на ужин будет баранина?

— Разве это не немного... Варварство?

Сирил нахмурился, возвращаясь к нему привычным для Айрин описанием «варварства». Услышав это, Ирэн от души рассмеялась.

— Это шутка.

«Хватит отпускать страшные шутки».

«Поскольку холодно, хорошо бы съесть что-нибудь острое».

«Слишком острое не件зно для желудка».

«Мы должны были просто придерживаться восстанавливающего питания, пока мы были здесь».

Ирэн жаловалась всякий раз, когда он ел еду с усталым лицом, всегда с нетерпением ожидая, когда из его красивых губ льются очень острые блюда.

В отличие от прежних времен, Ирэн теперь предпочитала еду с сильным вкусом. Несколько лет назад Ирэн внезапно начала искать блюда, которые он никогда раньше не ел. Когда он беспокоился о ситуации с Айрин, он в конце концов признался, что не может попробовать многое, если аромат не будет очень сильным. Похоже, яд повлиял и на вкусовые ощущения Айрин.

Раньше он притворялся, что не любит сильно ароматизированную пищу и ел только пресные блюда, вероятно, в качестве меры предосторожности против яда.

В течение почти двадцати лет Ирэн была довольно прожорливой, когда дело доходило до еды. Однако его желудок не мог выдержать многого.

— Пойдем прогуляемся?

Ирэн, которая быстро потеряла интерес к овцам, вышла на улицу первой, а Сирил поспешно последовал за ней. Он знал, что у Ирэн капризный характер, но чувствовал странное раздражение, возможно, потому, что чувствовал себя тяжелым. Слова «Зачем ты проделал весь этот путь, если ты просто собирался уйти, бросив короткий взгляд?» подступили к его горлу, но он отступил, увидев Ирэн, стоящую под проливным солнечным светом.

Гора, на которой выпал ранний снег, была совершенно белой. В тусклом свете, где солнце светило не очень хорошо, на серых, бесплодных ветвях деревьев, которые проросли, на заборе, который был выкрашен в белый цвет, но теперь был наполовину очищен, обнажая свой

первоначальный деревянный цвет, на далеких остроконечных вечнозеленых растениях, на горных вершинах, возвышающихся, как крыши, снег, который Ирэн хотела видеть, был плотно навален.

Несмотря на то, что они были ближе к солнцу, склон горы был невероятно холодным. Но это был вид, которого Ирэн никогда раньше в жизни не видела. Его глаза, которые обычно были равнодушны или холодно блестели, теперь сверкали, как звезды.

Иногда Сирил представлял себе Ирэн еще до того, как познакомился с ним. Ирен Данст, которая родилась и выросла в любви еще до рождения Сирила.

Обладая от природы тонким темпераментом, Ирэн была гораздо более чувствительной, чем Сирил. Если бы только он мог прожить жизнь, наслаждаясь всем, что у него есть, вместо того, чтобы пить яд и беспокоиться о выживании изо дня в день.

Возможно, он был бы гораздо более мягким и ласковым человеком, не погубленным равнодушием отца, жадностью матери и обманом дяди...

Это была ужасающая мысль развлечься под ярким солнцем. Потеряв ориентацию на солнце, у Кирилла закружилась голова, и Ирэн подошла к нему.

— Что ты делаешь?

— Ты простудишься, брат.

Когда холодный ветер подул на него, щеки Ирэн покраснели и, казалось, замерзли. Сирил снял пальто и накинул его на плечи Ирины.

Ирэн выглядела недовольной, глядя на гораздо более тонкую одежду, которую носил Сирил. Слишком холодно, чтобы полагаться только на куртку.

— Как ты думаешь, сколько слоев я ношу?

— Со мной все в порядке. Ты когда-нибудь видел, как я простужаюсь?

«Нет никакой гарантии, что вы всегда будете в порядке только потому, что вы были в порядке до сих пор».

— Без проблем.

Глаза Ирэн сузились, но потом он вздохнул. Трудно было сломить упрямство Кирилла, когда

речь шла о здоровье Ирины.

— Не вини меня, если заболеешь.

— Почему я должен винить тебя, брат?

Это была искренняя искренность. Даже если бы Ирэн засунула яд себе в рот, Сирил с радостью принял бы его. Ирэн пожала плечами, как бы говоря, что его не остановить, и взяла инициативу в свои руки.

Плато было слишком обширным, чтобы Ирэн могла идти. Но Ирэн начал ходить в своем собственном темпе. Кирилл не мог заставить себя остановить его и последовал за ним.

Беспокоясь, что Ирэн, которая хорошо себя чувствовала в замке Данст, может сильно простудиться здесь.

Конечно, Ирэн была не из тех, кто не любит выходить на улицу, как это обычно бывает с предубеждением против слабых людей. Несмотря на то, что он выходил на улицу реже, это, вероятно, было связано с тем, что его организм не справлялся со своими обязанностями.

Ирэн, которая до этого счастливо бродила по ранчо, вдруг остановилась. Он оглянулся на Сирила, у которого было очень странное выражение лица. Это было примерно в то же время, когда их отправная точка появилась в виде маленькой точки вдалеке. Ирэн сняла пальто, которое он накинул на плечо, и вернула его Сирилу.

— Со мной все в порядке.

Ирэн силой передала пальто Сирилу, который не решался его принять.

— Что ты имеешь в виду, что с тобой все в порядке? Ты простудишься.

— Но...

— Но что? Вы собираетесь спорить, синяя? Наденьте его прямо сейчас, пока я не снял с себя одежду и не бросил ее тебе.

Судя по его раздраженному тону, он, казалось, был готов раздеться. В конце концов Кирилл послушно надел пальто.

Когда он был моложе, он часто ходил на охоту в легкой одежде в еще более суровую погоду. Однако объяснение этого, несомненно, расстроило бы Ирэн, поэтому он больше не

сопротивлялся.

Честно говоря, было немного холодновато. Жара его детских дней, когда он играл как дикие молнии, казалось, полностью исчезла. Как только он надел одежду, тепло Ирэн распространилось по его телу и сердцу, заставляя его чувствовать себя уютно и комфортно.

— Тебе тоже холодно?

Лицо Ирэн было таким очаровательным, когда он говорил с такой бравადой, что трудно было поверить, что он на шесть лет старше Сирила. На самом деле, Сирил всегда выглядел несколько взросло и постепенно догонял свой возраст, в то время как Ирэн выглядела намного моложе своих сверстников. В результате становилось все труднее определить, кто старше, просто взглянув на их внешность.

— Холодно.

— Как глупо.

Сирил взял жалующуюся руку Ирэн и приложил ее к своей щеке. Хотя к коже прикасалась только прохладная перчатка, Сирил чувствовал ощутимое тепло Ирэн от нежной руки, обхватившей его щеку.

— Мне нравится, когда ты беспокоишься обо мне.

— Я всегда беспокоюсь о тебе. То ли ты будешь обманут каким-нибудь глупым мошенником и потеряешь свое состояние, то ли ты по глупости упадешь с лошади и сломаешь себе шею...»

Это было не беспокойство, а мрачный голос, похожий на проклятие; впрочем, Кириллу это было знакомо. Важно было не само беспокойство, верно? Кирилл обхватил руками тонкую, гладкую талию, даже в пальто.

— Ты позаботишься обо мне, если я потеряю все свое состояние?

— Ты что, с ума сошел? Я убегу без оглядки.

— А если я полупарализован из-за несчастного случая во время верховой езды?..»

— Тогда мне придется привести кого-нибудь другого и заняться любовью на твоей постели.

Это была невыносимая шутка. Айрин широко раскрыла глаза, глядя на Сирила, лицо которого злобно исказилось.

— Тогда ты мог бы чудесным образом исцелиться из-за мелкой ревности.

Это было не просто злобное замечание до самого конца... Кирилл слабо рассмеялся, не в силах рассердиться. Когда он задавался вопросом, должен ли он злиться на провокационные слова или радоваться тому, что его ревность была признана, его тело послушно отреагировало.

— Не вставай.

«Трудно не возбудиться».

Действительно, в такие моменты он все еще чувствовал себя молодым, несмотря на свой возраст. Он хотел взять Ирэн за руку и вернуться на виллу, чтобы немедленно обнять его. Однако Айрин, заметив злое выражение в глазах его младшего брата, быстро отдернула его руку.

— Я хочу еще немного осмотреться.

— Мы можем вернуться в следующий раз.

— Если бы я удовлетворил твои желания и сегодня оказался прикован к постели, это был бы конец нашего путешествия, не так ли? Я не хочу заканчивать наши планы на вилле.

— Я не сделаю этого, пока ты не выдохнешься.

— Ты можешь это обещать?

Он не мог дать обещание, которое не смог бы выполнить. Когда Сирил закрыл рот, как ложь, Айрин постучала ногой по носку его ботинка. Как всегда, не больно. Жалостливо глядя на него, Ирэн протянула руку и резко скрутила нос Сирила. Это было немного больно.

Вместо того, чтобы отомстить, Сирил поцеловал Ирэн. Когда их губы встретились, а языки переплелись, он почувствовал слишком холодный лоб Ирэн. Лучше бы все-таки зайти внутрь. Пока он думал об этом, Ирэн закусила губу Сирила.

— Это больно.

— Кирилл. Ты...»

По какой-то причине выражение лица Ирэн было странным. Это было лицо, которое он редко видел раньше. Его брови нахмурились, глаза широко открыты, но он не рассердился...

Ирэн оттолкнула тело Сирила. Ему показалось, что он крепко держит его, но его тело было отброшено назад легче, чем ожидалось. Ирэн, снявшая перчатки, положила руку на лоб Сирила. Несмотря на то, что на нем были надеты перчатки, в контакт вступила слегка прохладная температура тела.

— У тебя температура.

— Тебе холодно?

— Я говорю о тебе, а не обо мне.

Это было странное заявление. Что у него, а не у Ирэн, была лихорадка? Он не мог отмахнуться от этого, как от шутки, потому что в голосе Ирэн звучала смесь беспокойства и шока.

Неужели у него была температура? Если подумать, его тело было немного холодным и дрожащим с недавнего времени. Только после того, как он понял, что ему больно, его тело, наконец, почувствовало слабость и обмяк. Испуганная вялым видом Сирила, Ирэн поспешно позвала слугу, которого он намеренно держал на расстоянии, чтобы они могли побыть наедине.

Роли упавшего Кирилла и встревоженной Ирины, взывающей о помощи, полностью поменялись местами. Это было не совсем неприятное чувство, и хотя Ирэн хотела вести себя по-детски, его взгляд был только холодным.

— Ты сможешь спуститься вниз?

Верный слуга с тревогой посмотрел на Кирилла. Он тут же кивнул головой, но Ирэн раздраженно хлопнула Сирила по спине. Его тело покачнулось от тривиального прикосновения.

«Посмотри на это. Не говори ерунды и просто очисти резиденцию».

— Нет, я могу спуститься вниз.

Ирэн, не совсем гермафобка, но очень чувствительная к чистоте, никогда бы не одобрила обшарпанное помещение пастуха.

— Шатаешься и скачет на лошади? Это абсурд...»

— Доктору тоже будет нелегко сюда добраться. И я бы предпочел отдохнуть с комфортом».

Когда Сирил заговорил с оттенком раздражения, Айрин стиснула его челюсти. Просто Ирэн подняла шум; Сирил был не настолько беден, чтобы не ездить верхом на вилле.

Он так и думал, но с середины понял, что не в себе, и его слуга держал поводья, ведя за собой. Когда они, наконец, добрались до виллы, его зрение было затуманено, и у него не осталось разума. Крепкие слуги, которые уже были проинструктированы, подошли к нему и поддержали его.

Нобель, пришедший из-за Ирэн, был потрясен и с изумлением посмотрел на Сирила.

— Какое интересное зрелище.

«Что тут интересного? Ты хочешь, чтобы твой хозяин умер от лихорадки?»

Что было нехарактерно для великодушной Айрин, его голос, обращавшийся к шутке, был невероятно яростным. Нобель немедленно пошел на попятную.

«Прошу прощения. Я не имел в виду этого.

— Если знаешь, то заткнись и лечи его. Прежде чем мы похороним бесполезного врача в горах и позовем нового.

Ирэн редко волновалась. За исключением тех случаев, когда он волновался на кровати, он всегда был спокоен.

Четыре года назад, когда Сирил был еще неопытен в работе, он чуть не понес огромные убытки после того, как вложил деньги в давнюю подругу своего отца (Ирэн с его таинственными связями пришла на помощь). Даже в прошлом году, когда он получил известие о том, что его младшая сестра Элли попала в аварию, ему удалось сохранить спокойствие (к счастью, короткое сообщение не смогло передать всю ситуацию, и реальность оказалась не такой плохой, как они себе представляли; С Элли все было в порядке, если не считать шишки на голове).

Во время несчастного случая с Элли Сирил некоторое время не мог навестить Ирэн, охваченный предательским подозрением, что кто-то мог стоять за этим намеренно.

Ирэн, полностью осознавая внутреннее смятение Сирила, оставила его в покое. Он сохранял равнодушное выражение лица, как будто ему было все равно, что произойдет, или, возможно, он ждал решения Сирила. Его непоколебимое спокойствие приводило их в бешенство, и они даже ссорились из-за него.

Но теперь Ирэн была явно потрясена. Просто потому, что Кирилл простудился.

С небывалым недоумением Нобель взглянул на Сирила и осторожно заговорил.

«Не нужно так сильно беспокоиться... Это просто простуда».

— Не будь таким беспечным. У него высокая температура. Если бы он так умер...»

— Он не такой хилый, как мастер Айрин, так что он должен быть в состоянии встать после того, как попотел день или два.

Слова Нобеля заставили Ирэн осознать свою ошибку.

Нечасто кто-то умирает от лихорадки, подхваченной простудой, если только не живет в убогих условиях, как низший класс в глухих переулках. Однако для Ирэн, которая всегда жестоко страдала, простое суждение было невозможно.

Услышав спокойный голос, Ирэн подняла его руку и провела по его изможденному лицу. Это было гораздо более измученное лицо, чем когда сама Ирэн была больна.

— Сирил, ты уже стареешь, не так ли? Вы не маленький ребенок, который настолько здоров, что может грызть нож. Не переусердствуйте и делайте перерывы...»

Нобель проворчал, протягивая лекарство, но Сирил не обратил на него внимания. Все нервы Сирила были сосредоточены на Айрин.

— Айрин, извини, что заболела.

"..."

— Я больше не буду болеть, хорошо?

Когда взгляд Сирила потеплел, Нобель нахмурился и вышел из комнаты. Уходя, Нобель, казалось, о чем-то ворчал, но Сирил не обращал на это внимания.

Когда Сирил протянул руку, Ирэн нерешительно взяла ее. Незнакомая жара и тяжесть его тела казались обременительными...

— Ты волновался?

Несомненно, это было из-за выражения лица Ирэн. Это было то самое лицо, которое Кирил часто видел в зеркале. Хотя их черты лица были не очень похожи, их нахмуренные брови были похожи друг на друга. От волнения Ирэн щеки Сирила вспыхнули еще теплее.

«Я чувствую себя хорошо, потому что ты беспокоишься обо мне».

— Ты тупой ублюдок.

Для Ирэн это было невероятно грубое оскорбление. Но даже это привело в восторг Кирилла, который громко рассмеялся.

Каждый раз, когда Ирэн проявляла глубокую привязанность к Сирилу, тревога в его сердце таяла, оставляя его пропитанным счастьем. Жалобы Айрин, такие как то, что она называла его «глупым лицом» или говорила: «Я не могу выносить тебя», не воспринимались как словесное оскорбление, а скорее как знаки любви.

«Конечно, не все так хорошо. Кажется, вы были удивлены...»

— Неважно. Я был глуп, что сделал большую проблему из такой мускулистой головы, как ты, простудился».

— Извините.

Несмотря на то, что ему было нелегко отпустить свой гнев, Ирэн довольно хорошо заботилась о Сириле. Он даже накормил его тонким рагу, которое шеф-повар тщательно приготовил, и позаботился о том, чтобы он принял лекарство.

Сирил подумал, что хорошо бы заболеть один или два раза, но если Ирэн услышит это, он рассердится. Ошеломленный лекарством, Кирилл заснул.

Говорили, что когда тело слабеет, злые мысли с большей вероятностью овладевают им... И тени растут

Во сне Кирилла впервые за долгое время мучил кошмар.

Кошмары Кирилла не имели под собой никаких оснований. Кто-то со знакомым лицом обвиняюще смотрел на него, то ли он оставался один в пустом пространстве, где Ирэн исчезла, не сказав ни слова. Эти сны топтали его и заставляли чувствовать себя дезориентированным.

Ирэн не была хрупкой, нежной травоядной, какой Сирил представлял себе в детстве.

Если бы его нужно было классифицировать, то Ирэн была бы хищницей. Подобно плотоядному растению в джунглях, вместо того, чтобы бежать и стрелять, чтобы охотиться, Ирэн

предпочитала расставлять ловушки, опускать его тело и ждать. Когда добыча попадала ему в рот, он проглатывал ее целиком.

Он дождался, пока любовь Кирилла не вырастет настолько, чтобы покрыть все грехи, как он искушал его. Он вел себя двусмысленно, пока сам не связался с ним.

Шесть лет назад, унаследовав титул графа Данста, Сирил тайно последовал за Ирэн. В конце своих поисков Кирилл обнаружил довольно многое.

Таинственная сеть связей, начиная с нескольких художников, включая Генриетту Шу. Среди связей Ирэн, разбросанных по всему королевству, были и зловещие гильдии, которые получали и выполняли незаконные запросы.

Были подозрения, что «какие-то происшествия» могли быть сфальсифицированы... Но при этом конкретных доказательств, подтверждающих сомнения, не было.

К этому моменту Кирилл отбросил всю собранную информацию и прекратил расследование.

Теперь не было никакой возможности узнать правду. Даже если иногда мертвецы из прошлого посещали его в кошмарах, у него не хватало смелости откопать затхлое прошлое в этот момент.

Подобно остановленному расследованию, это было прошлое, от которого он не мог полностью избавиться. С того момента, как он полностью поддался Айрин, впервые смешав их тела много лет назад, он стоял на месте; Его ноги застряли на краю огромного болота, которое лежало там, и он не мог ни сопротивляться, ни выбраться. Так будет всю его жизнь, как и до сих пор.

В двадцать лет Сирил узнал об Ирэн болезненно интимным образом. Незрелый мальчик, который только физически вырос, стал опытным человеком с непостижимым внутренним миром. Вместо высокомерия, которое когда-то заставляло его верить, что он лучший, в Сириле поселилось глубоко укоренившееся сомнение. Внешность не была правдой. Ночей, проведенных в агонии из-за этой жестокой реальности мира, было бесчисленное множество.

— Кирилл.

Услышав громкий звонок, Кирилл открыл глаза.

Сквозь окно пробивался бледный свет туманного полумесяца, освещая сцену. Тонкие, но блестящие пряди светлых волос коснулись щеки, прежде чем исчезнуть. В слабом свете пара глаз блестела, как утренняя роса, пристально глядя на Кирилла. Их глубины были подобны озеру, в которое можно было только погрузиться, но никогда не выбраться, — ужасная, чарующая красота.

Любовник Кирилла.

И кошмар Кирилла.

Возлюбленная, заполнившая все существо Кирилла, одним словом вытащила его из двусмысленной бездны его фантазий, вернув к реальности. В место жестокое, но милое, от которого невозможно отвернуться.

— Я разбудил тебя, потому что тебе показалось, что тебе приснился кошмар.

— Брат... Почему ты не спишь?

— Тебе пора спать.

Сирил поднял свою тяжелую руку к Айрин, страстно желая прикоснуться к ней. Но Ирэн холодно отмахнулась от его руки. Рука, которая дотянулась бы до места назначения, если бы не прикосновение Ирэн, теперь пусто опустилась вниз.

Лицо Ирэн было безмятежным. Глубокая улыбка появилась на губах Сирила. По какой-то причине Айрин, которая была полна беспокойства перед самым сном, казалось, была в исключительно хорошем настроении.

С яркой улыбкой Ирэн посмотрела на больного Сирила, и улыбка была довольно жуткой. Это было похоже на убийцу из криминального романа, скрывающего болезненный, но жестокий темперамент.

— Айрин?

— Я не могла спать, потому что заботилась о тебе.

Вместо того, чтобы объяснять, Ирэн сыграла на чувстве вины Сирила. Пока Сирил не мог найти слов, чтобы спросить, почему, пара рук, которые никогда в жизни не работали ни дня, сняли мокрое полотенце с его лба. Для человека, впервые ухаживающего за больным, прикосновение оказалось на удивление умелым.

Сирил разрывался между радостью от того, что Ирэн заботилась о нем до этого часа, и беспокойством о том, что он так долго был с пациентом.

— Брат, ты можешь простудиться.

— Все в порядке.

Ирэн, которая вызвалась позаботиться о нем, несмотря на риск, довольно улыбнулась. Станный дискомфорт пощекотал Кирилла.

Знала ли Ирэн Сирил кого-то, кто готов пожертвовать собой, чтобы заботиться о возлюбленном? Абсолютно нет.

Несмотря на то, что мы находимся в любовных отношениях, честно говоря... Ирэн была эгоистичной и имела плохой характер. Трудно было найти на его улыбающемся лице такое же беспокойство, как и до сна.

«Ты выглядишь такой счастливой, Айрин...»

— Ага. Я счастлив».

"..."

— Мне очень нравится видеть, как ты выглядишь слабым.

Кирилл на мгновение потерял дар речи.

Ирэн с давних времен не любила охоту. Не потому, что он считал варварством отнимать жизнь, и не потому, что боялся крови, как старая привычка.

Ирэн это просто не нравилось, потому что это было то, что он не мог сделать.

К этому времени все, что угрожало Айрин, исчезло. Он не мог напрямую вернуть себе титул и богатство графа Данста, которые по праву принадлежали Ирене. Тем не менее, Ирэн была довольна ситуацией теперь, когда Сирил косвенно вернул ее, став его любовницей и посвятив себя ему.

Но утраченное здоровье нельзя было ни восстановить, ни восполнить.

Ирэн открыто презирала охоту, верховую езду и все другие виды физической активности. Возможно, из-за того, что они не были разрешены для Ирэн, чувство было близко к чувству неполноценности.

— Ты не стареешь?

— О чем ты говоришь? Мне еще нет и тридцати.

Вместо того, чтобы возразить, Кирилл слегка рассмеялся. Он был младше Ирэн на шесть лет,

поэтому не было необходимости отвечать на ненужные провокации. Лучше не обращать на это внимания. Но как только он принял это решение...

— Скоро ты станешь слишком стар, чтобы даже стоять, не так ли?

«Если ты собираешься сказать что-то подобное, скажи это после того, как не потеряешь сознание в середине разговора».

Это было замечание, которое он просто не мог пропустить. Его решимость воздержаться была мгновенно и с треском разбита. Тем не менее, даже несмотря на то, что его слабое место было раскрыто, Ирэн оставалась спокойной.

«По сравнению со мной, даже старая кошка, которая только спит, была бы намного здоровее. В прошлом, даже если бы мы катались по снегу, с тобой все было бы в порядке, а я был бы единственным, кто боролся».

Кирилл решил больше не вступать в бой. Нахмурившись, он посмотрел на угол кровати. Видя, как он злится из-за чего-то столь тривиального, казалось, что боль действительно сделала его более чувствительным. Откровенная усмешка в усмешливом взгляде Ирэн раздражала.

«Перестань пялиться на меня...»

— По-моему, твое лицо самое красивое, какое когда-либо было.

Сирил, который уже собирался рассердиться, оглянулся на Ирэн, услышав это замечание. Ирэн ненавидела его отца, который бросил его, и презирала его мачеху, которая отравила его. Естественно, ему не особенно нравилось лицо Кирилла, которое было похоже на них обоих.

— Почему?

«Мне нравится, когда уязвимость проявляется во мнении».

Признавая, что черты лица были хорошими, тот факт, что это не могло заставить его любить лучше... Уверенность Сирила в прошлом была подорвана резким суждением его возлюбленной, из-за чего его репутация самого популярного человека в высшем обществе казалась бессмысленной.

«Я думаю, что мне должно быть больно каждый день».

«Это было бы проблемой. Если тебе больно, мне придется стать графом, не так ли? Мне нравятся вещи такими, какие они есть сейчас».

— В этом причина?

— Конечно, это еще не все, мой возлюбленный брат.

Ирэн, поднявшись, подошла к кровати и поцеловала его. В тот момент, когда сладкие, влажные губы соприкоснулись, возникла жажда.

— Мой возлюбленный.

Тем не менее, годы приобретенных размышлений поддержали разум Кирилла. С мыслью о том, что простуда может быть заразной, он собрался с силами, чтобы с трудом оттолкнуть Ирэн. Ирэн, которую неожиданно оттолкнуло слабое прикосновение больного, выглядела довольной.

«Простудился...»

«Если вам это не нравится, быстро выздоравливайте. Знаете, я немного волновался.

— Беспокоишься?

— А ты думал, что я не буду волноваться?

— Нет... Это не то, но...»

«Если кто-то умрет, я, естественно, думал, что буду первым».

Сидя на краю кровати, Ирэн потерла нахмуренный лоб Сирила. Однако нарастающий гнев не утихал даже под прикосновением возлюбленного.

— Не говори таких вещей.

«Не сердитесь на избитые слова. Знаешь? Если кто-то из нас умрет, я, вероятно, умру первым. Я старше, и мое тело... слабее».

— Пожалуйста, не говори так.

Ирэн пожала плечами, увидев ненужное упрямство младшего брата.

«В любом случае, вы можете внезапно умереть, когда станете старше, и тоже заболите. Я только сейчас понял очевидное. Есть больше людей, живущих долго, несмотря на их постоянные жалобы, чем можно было бы ожидать, так что, возможно, я тоже проживу дольше,

чем думаю».

— Почему ты так думаешь?

— Если ты умрешь, я останусь одна.

Он не думал так далеко. Люди обычно не предполагают, что обычная простуда может привести к смерти...

Тем не менее, у Ирэн было много столкновений со смертью из-за простуды, которую он подхватывал каждый год, вызывая хаос в замке Данст. Будучи здоровым Сирилом, он не мог понять эту сферу, но это был разговор, который он должен был понять.

Сирил поднял свое тяжелое тело и обнял Ирэн. Стройное тело Ирэн плотно облегало его руки.

— Не теши себя такими мрачными мыслями.

Окутанный теплыми объятиями, он почувствовал нежное давление руки Ирэн на тыльную сторону своей собственной.

«Иногда я думаю, что было бы лучше, если бы ты был тем, кто испытывает боль, а не я».

"..."

— Ты будешь заперт в особняке под предлогом выздоровления, и мне будет только на меня смотреть. Я сделаю так, что ты ничего не сможешь сделать без меня».

«Если вы думаете, что это возможно, я должен предупредить вас, что это будет не так просто, как вы думаете. В конце концов, я потерпел неудачу».

Сирил отклонил это замечание беззаботным тоном, и Ирэн коротко рассмеялась.

Несмотря на их любовь, было время, когда им не хватало понимания друг друга. Прошло достаточно времени, чтобы они могли вскользь упомянуть о своем высокомерном и эгоистичном прошлом, и присутствие Ирэн как любовника стало привычным.

— Кирилл. Знаете, да? В сейфе в моей комнате есть яд.

Кирилл никак не мог отреагировать на это внезапное заявление. Как сказала Айрин, яд хранился в сейфе в его комнате еще год назад.

Несмотря на то, что он любил свою возлюбленную, Кирилл не мог полностью доверять Ирине, поэтому он приставил к нему слугу. Слуга, которому было поручено заботиться об Ирэн, а также присматривать за ним, время от времени сообщал Сирилу о странных находках.

Яд в сейфе был тайно заказан Ирэн и намеренно оставлен на виду у слуги, как бы призывая слугу доложить об этом своему хозяину.

Зная о существовании яда, Сирил до сих пор хранил молчание. Тем не менее, он не мог полностью приспособиться к случайному непредсказуемому поведению Айрин. Кирилл всегда внимательно наблюдал за своей непредсказуемой возлюбленной.

Зная это слишком хорошо, Ирэн иногда действовал по его собственной прихоти.

«Это тот же самый вид, который я ел в молодости».

Говорят, что яд в простой коричневой бутылке имел слегка горьковатый вкус. При смешивании с продуктами с сильным ароматом, которыми теперь наслаждалась Ирэн, вкус становился настолько неоднозначным, что его было почти невозможно обнаружить. Сирил никогда не знал точно, каков он на вкус, но Ирэн, сама того не подозревая, употребляла его бесчисленное количество раз.

— Если тебе кажется, что ты собираешься оставить меня в покое, накорми меня всем этим. Я съем все это».

— Брат.

«Я не хочу умирать, но мне кажется, что было бы проще просто умереть чисто, чем иметь дело с последствиями, которые ты оставляешь после себя».

Сирил крепче обнял Ирэн. Он хотел увидеть лицо, которое могло бы произнести такие ядовитые слова, но Ирэн, которая отвернулась от него, сопротивлялась силе Сирила. Однако тот факт, что Ирэн скрыла его лицо, был достаточным ответом для Сирила.

Слова о том, что он скорее умрет от руки Кирилла, чем уйдет, резонировали с Кириллом как прекрасное признание в любви, больше, чем любое стихотворение. В конце концов, их отношения с самого начала были полны потрясений.

— Нет, хён. Если это так, мы должны поделиться этим».

Нежное тело в его руках слегка дрожало.

«Если ты умрешь первым... Может быть, я просто выпью его в одиночестве?»

Только тогда Айрин медленно повернула его тело. Лицо его, бледно отражая лунный свет, лениво улыбалось. Это был ответ, на который надеялась Ирэн, и даже больше. Глаза Ирэн сверкнули, как звезды, когда он толкнул Сирила на кровать.

Влюбленные, живущие на грани смерти, всегда находили надежду в обсуждении своего конца.

— Не дразни меня ласковыми словами.

— Это не так. А как насчет конфетных разговоров о смерти? Это слишком жестоко».

— Воистину, жестоко и смеясь.

Кирилл не смог сдержать смеха. Горячее дыхание хлынуло на белую шею Айрин. Прижавшись губами к мягкой коже, Кирилл молча проверил биение пульса.

«Я не оставлю тебя одну, и я тоже не останусь одна. Я исполню все твои желания...»

Ирэн, неподвижная, как натюрморт, выглядела прекрасно. И все же, несмотря на то, что казалось, что он вот-вот исчезнет, его пульс бешено колотился.

Что бы ни случилось, одно можно было сказать наверняка.

— Живи долгой жизнью, Айрин.

"..."

«Я тоже проживу долгую жизнь».

Кирилл мог позволить себе все, что угодно, лишь бы Ирэн прожила как можно дольше.

Было нормально испытывать боль, злиться, сомневаться, смеяться над кем-то и даже убивать кого-то. Было даже приемлемо время от времени затаскивать кого-то в постель. В конце концов, если другой человек был убит, а Ирэн была заперта, это был конец.

«Не беспокойтесь о бесполезных вещах. Пока ты не умрешь, я не смогу сбежать от тебя... Конечно, то же самое относится и к вам».

«Чем больше говоришь, тем симпатичнее становишься...»

Вопреки его поддразниванию, Ирэн сомкнула губы с Сирилом, сцепив пальцы. Отражаясь в

ярко-голубых глазах Ирэн, Сирил казался раскрасневшимся от страсти и любви.

Только на этот момент Кирилл отложил в сторону свои тревоги и страхи, ответив тем же. Были времена, когда было невыносимо не выразить чувства, которые невозможно выразить словами. Так же, как и сейчас.

Сирил не мог полностью сопереживать Ирине. В отличие от Ирины, которая искала ответы в смерти, путь Кирилла всегда был связан с жизнью. Он похоронил истину, чтобы жить, и сложил свои сомнения ради любви. Ирэн охотно оставалась рядом с таким Сирилом, разделяя любовь, которой желал его младший брат. В разгар мира жадность только усиливалась с каждым днем.

— Я люблю тебя.

Они едва раздвинули губы, прежде чем прошептать, но Ирэн тут же последовала за ними и переплела их языки. Заброшенность, которую нельзя было увидеть раньше, была плодом времени, проведенного вместе.

Он дорожил живой Ирэн, которая была рядом с ним. Он любил безмятежность и тишину живой Ирэн. Многие из того, что любил Сирил, берет свое начало в Ирене.

Мирный вечерний закат, неоднозначная погода, которая не была ни ясной, ни пасмурной, звук горящего фитила свечи, тишина, в которой можно было услышать только этот звук, мрачный пейзаж, расписанный слоями серого неизвестным художником, опера, воспевающая предательство и ненависть, и даже поэзия, ищущая любви у смерти. Многие вещи, на которые оригинальный Кирилл не обратил бы внимания.

Глупость любить Ирэн, которая вылепила его эгоистично, давно исчезла. Эпоха дикости закончилась, и они приспособлялись друг к другу с помощью разговоров и разума, иногда ссорясь, но в конце концов они полюбили друг друга, ничего не скрывая. Траектория их прошлого теперь позволяла им мечтать о далеком будущем.

Ирэн, которую он любил. Ирэн, которую он любит.

А кроме того, его ждал брат и возлюбленная, которую он полюбил заново.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://erolate.com/book/4162/121378>